

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1*276*373.612.2

МЕТАФОРИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКИХ ЖАРГОНАХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Л. В. Балашова

Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Balashova53@yandex.ru

В статье анализируются жаргонные метафоры, формируемые на базе социальной лексики. Выявляются семантические поля и группы, активно используемые для развития переносов; основные принципы метафоризации и их специфика в сравнении с литературным языком. Делаются выводы о картине мира носителей жаргона, репрезентируемой с помощью социальной метафоры.

Ключевые слова: метафора, жаргон, социальная лексика, картина мира.

Metaphorization of Social Lexis in the Russian Jargons of the End of the 20th – the Beginning of the 21st centuries

L. V. Balashova

Lyubov V. Balashova, <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Balashova53@yandex.ru

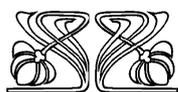
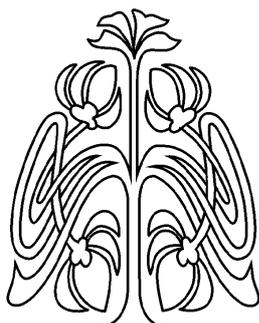
The article analyzes jargon metaphors formed on the basis of social lexis. The author singles out semantic fields and groups extensively used for developing transfers, the main principles of metaphorization and their specific characteristics in comparison with the literary language. The conclusions are drawn on the jargon users' world picture, which is represented with the help of the social metaphor.

Key words: metaphor, jargon, social lexis, world picture.

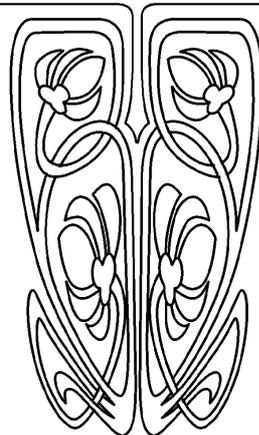
DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-366-371>

По мнению многих современных лингвистов, возросший интерес к процессам метафоризации как в языке, так и в отдельных его социальных идиомах¹ обусловлен тем, что формирование переносных значений в рамках лексико-семантической системы стало рассматриваться в связи с когнитивными и лингвокультурологическими процессами²: «...освещение проблемы взаимодействия значения слова и жизненного опыта народа существенно и для понимания природы метафоры, и для понимания семантических процессов в целом»³. Безусловно, основная часть работ в данном направлении анализирует отдельные единицы и различные группировки: семантические поля (далее – СП); семантические группы, ряды на материале литературного языка. Однако в последние годы все больший интерес вызывают внелитературные страты, в частности жаргоны, поскольку, во-первых, современного русского языка⁴; во-вторых, «сленговые (в принятой нами терминологии – жаргонные. – Л. Б.) значения по большей части метафоричны»⁵; в-третьих, «иногда различия между разными языковыми картинами внутри одного языка оказываются больше, чем межъязыковые различия»⁶.

Объектом данного исследования является социальная лексика (далее – СЛ), т. е. слова из семантической сферы «**Человек как часть социума; государство; идеология; культура**», как источник жаргонной метафоризации. Обращение именно к этой сфере обусловлено двумя причинами. Во-первых, социальная метафорическая макросистема в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

целом – одна из ядерных в русском языке: она объединяет переносы, репрезентирующие предметный и не предметный мир как определенную социальную модель, связанную с жизнью человека в обществе, с различными типами социально-экономических, политических, идеологических и культурных реалий. Во-вторых, «интенсивное развитие информационных технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к политическому дискурсу»⁷, а следовательно, и к лексике, прямо или косвенно связанной с ним.

Как показал анализ лексикографических источников⁸ и собранного нами материала, носители жаргонов конца XX – начала XXI в. активно используют СЛ при формировании переносных значений (было выявлено около 600 таких единиц). Концептуально значимой оказывается система лексем, активно включающихся в процесс метафоризации.

Из шести основных полей, относящихся к СЛ, самыми востребованными являются два СП: «**Политическая и общественная жизнь социума**» – более 24% всех исследуемых единиц (ср.: *анархист, марксист, меньшевик, сионист, масон*); «**Государственное устройство; власть**» – около 20% всех единиц (ср.: *парламент, вече, сельсовет, короноваться*). Несколько менее активно (примерно 17% единиц) формируются жаргонные метафоры на базе членов СП «**Государство как социальная единица мирового сообщества**» (ср.: *отечество, эмигрант, дипломат, атташе, агрессор, милитарист*). Наконец, число переносов в каждом из трех СП: «**Стадии развития общества; формации**» (ср.: *рабство, строй капиталистический, коммунизм, социализм*); «**Социальный и имущественный уклад в обществе**» (ср.: *бай, купчик, единоличник, vip-персона, безлошадный, бомж, босяк, голь перекатная*); «**Социальные устои, правовые отношения в обществе**» (ср.: *трибунал, приговор, амнистия, городской, полицейский*) – составляет 10–15% анализируемых жаргонных метафор.

Неодинаковой по регулярности является также географическая и временная характеристика той или иной именуемой реалии. Безусловный приоритет принадлежит российским социальным явлениям прошлого и настоящего (ср.: *бойрин, опричник, дворянин, губком, чекист, гэбэшник, генсек, субъект федерации, депутат, Путин*). Но носители жаргонов обнаруживают достаточную эрудицию в мировой социальной жизни – особенно европейской, преимущественно античной, средневековой и XVII–XVIII вв. (ср.: *цезарь, рыцарь, лорд, барон, гранд, кнехт*). Не менее концептуально значимым представляется использование в качестве источника жаргонной метафоризации наименований социальных феноменов, связанных с прошлым и настоящим Китая, Японии и других стран Азии, Африки, Америки (ср.: *богдыхан, бра-*

мин, великий кормчий, хунвейбин, душман, Обама, Клинтон). Безусловно, источником таких знаний становятся прецедентные тексты (фольклор, российская и мировая художественная литература, кинофильмы и мультфильмы), школьные курсы истории и географии. Но включение в метафоризацию именований феноменов, связанных с концом XX – началом XXI в., свидетельствует о том, что носители жаргонов интересуются социально-политической жизнью России и мирового сообщества.

Об этом свидетельствует большое число антропонимов, лексем и сочетаний, являющихся прецедентными для носителей жаргонов (ср. примеры, приведенные выше, а также: *Аракчеев, Салтычиха, Ленин, Сталин, Батый, Гитлер, Геббельс, Ясир Арафат, Бен-Ладен, Полпот, Черномырдин, Чубайс, Гамсахурдия, как белый человек, Остров Свободы*). Аналогичные выводы можно сделать об исторических эпохах, к которым принадлежат используемые в качестве источника метафоризации номинации. Самыми продуктивными в этом отношении являются советизмы, поскольку этот период не столь отдален от жизни носителей жаргонов (и многие жаргонизмы формировались уже тогда); споры о нем не утихают и сейчас, а многие советские прецедентные феномены тиражировались и продолжают использоваться в прессе, ТВ и т. п.

О достаточно высоком уровне эрудиции и языковой компетенции носителей жаргонов свидетельствует также формирование словообразовательных и фразеологических окказионализмов на базе именований социальных феноменов, особенно прецедентных антропонимов, топонимов, фразеологизмов и клише (*Адольф Виссарионович Берия, Запах Ильича, сайдарить, Непутин, трескать с броневичка, дважды дятел Советского Союза, считайте меня сионистом*). Развиваемые ими значения могут быть отнесены к частичным метафорам и жаргонным фразеологизмам, формируемым на базе метафорических моделей⁹.

Таким образом, можно констатировать, что именно эти пласты социальной лексики составляют важную часть концептосферы носителей жаргонов.

В принципе формирования переносных значений, а также в степени их концептуализации можно обнаружить общее и различное в сопоставлении с литературным языком. В частности, яркой особенностью жаргонов является активное использование СЛ для номинаций явлений из семантической сферы «**Предметный мир**» – 16% всех переносов (прежде всего СП «**Артефакты**», спорадически СП «**Флора**») и «**Человек как биологический организм**» – 16% (преимущественно физиология, связанная с сексуальной сферой и пищеварением; физические состояния), что в принципе не свойственно литературному языку. Кроме того, принцип мотивации переносов во многом связан не только с денотативными и эмо-

ционально-ассоциативными модулями сравнения, как это обычно наблюдается в литературной метафоре (ср.: *стрелки усов, губки бантиком*), но и с ассоциациями, основанными на собственно социально-политическом, идеологическом потенциале лексемы (ср.: *купчиха* 'вошь' – стереотипное представление о купцах как о развевшихся хамах, пьющих кровь из народа; *удостоверение личности* (ирон.) 'пистолет'; *рычаг демократии* (шутл.-ирон.) 'резиновая дубинка полицейского, росгвардейца'; *гайдарчик* (ирон.) 'ваучер'; *по ленинским местам* (шутл.-ирон.) '(удар) в область паха (об ударе)'). Даже в том случае, когда модулем сравнения становится денотативный и/или функциональный признаки, ассоциация с социальным феноменом актуализирует оценочное сближение источника и мишени переноса. Кроме того, в таких метафорических номинациях регулярно обыгрывается ироничное несоответствие функции, прагматического потенциала первичного и метафорического лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) (ср.: *Аврора* 'пивная около станции метро «Каховская» в Москве' – комическая ассоциация с крейсером «Аврора» на основе денотативного сходства объектов, а именно: наличия трех труб над зданием пивной; *Рейхстаг* (ирон.) 'помпезное здание с колоннами и в аварийном состоянии' – прецедентная ассоциация с разрушенным в 1945 г. Рейхстагом, на котором расписывались солдаты-победители; *Гитлер* (шутл. или пренебр.) 'памятник В. И. Ленину (с вытянутой вперед и вверх правой рукой) на ул. Астраханская в Саратове').

Наиболее отчетливо подобная языковая игра проявляется при именовании **физиологии человека**, особенно тематической областью «телесного низа»: мужских гениталий (ср.: *фюрер, барон, боец невидимого фронта, маяк коммунизма, красный партизан, руководящий орган, чекист*); удаления продуктов пищеварения (ср.: *взнос в КПСС, звонок президенту, принять от шефа факс* (шутл.-ирон.) 'об отправлении естественных надобностей'); полового акта (ср.: *пионерская зорька* (шутл.) 'утренний половой акт'; *смычка города и деревни* (шутл.-ирон.) 'половой акт с девушкой из провинции'; *подполье* 'оральный секс под одеялом'; *лишить чинов и званий* 'о гомосексуальном изнасиловании').

Еще в большей степени указанные тенденции проявляются у переносов в непредметные сферы (ср.: *батраки* (шутл.) 'родители'; *бред уснувшего генсека* (шутл.-ирон.) 'нечто странное, вычурное; то, что вызывает неодобрение, досаду'). Более того, на базе социально-политических, идеологических ассоциаций в рамках данной жаргонной метафорической подсистемы формируются более или менее устойчивые концептуальные метафоры.

В целом непредметные сферы устойчиво представлены двумя группировками: «**Человек как личность**» (около 35% исследуемых единиц), «**Человек как часть социума; государство;**

идеология; культура» (более 33%). Следует, однако, отметить, что противопоставление данных сфер в рамках анализируемого материала часто достаточно условное, поскольку носители жаргона, характеризуя социальное, имущественное положение человека, формальные отношения (социальные связи, социальная иерархия и т. п.), обычно фиксируют также личностные свойства человека, тип личностных отношений (чаще конфликтных, негармоничных) между членами социального института и т. п. (ср.: *Гестаповна* 'очень строгая учительница'; *князь, лорд, король* 'авторитетный, уважаемый член, обычно глава преступной группировки; авторитетный, уважаемый руководитель'). Кроме того, личностная составляющая регулярно проявляется в эмоционально-экспрессивной, прагматической оценке социальной жизни со стороны именуемого субъекта, т. е. носителя жаргона (ср.: *аристократ* 'вор-рецидивист'; *серая банда* 'работники правоохранительных органов, полицейские'; *жандарм* 'учитель; классный руководитель'). Вследствие этого формирование метафорических переносов в указанных сферах часто проходит по единым принципам и в рамках одной концептуальной модели.

Как и в литературном языке, наиболее регулярной моделью метафоризации является базовая социальная макромоделю: источник и мишень переноса принадлежат к одной (социальной) макросистеме, функционально подобны, однако «при формировании переносных значений происходит своеобразное метафорическое расширение: сохраняется основная качественная характеристика лица, тип отношений и зависимостей, но при этом меняется сфера приложения этих признаков»¹⁰ (ср.: *анархист* 'сторонник анархизма' → 'опасный преступник, не признающий воровских законов, действующий в одиночку'; *негр* 'представитель негроидной расы; раб в США до отмены рабства' → 'лицо без гражданства; не гражданин (в Латвии)'; 'рабочий; человек, выполняющий грязную, тяжелую работу').

В частности, современные социальные и межличностные связи и отношения, значимые для носителей жаргона, а также характеристика человека в рамках таких связей и отношений ассоциируются с иным социально-политическим, классовым, государственным устройством с иными правовыми, общественными и другими отношениями, присущими данной формации, режиму и т. п. Подобно литературному языку, наиболее активно включаются в процесс жаргонной метафоризации именованного античного, средневекового и иного социально-общественного устройства, государственных, правовых и иных институтов, характеризующихся строгой иерархией, неравноправием, диктатом и т. п. Примечательно, что именно в рамках данных отношений осмысляются практически все типы социальных и межличностных отношений в России конца XX

– начала XXI в. (ср.: *король* ‘главарь воровской группировки’; *лидер коллектива* (во дворе, в школе, в районе и т. п.)); *хан* ‘крупный руководитель’; *отец*; *самран* ‘любой руководитель’; *крепостной* ‘вор, не имеющий права выйти из группировки’; ‘новичок в ролевых играх, прикрепленный к опытному игроку’; *данник* ‘подросток, платящий «дань» лидерам молодежных группировок’; *палач* ‘прокурор’; *рабовладелец* ‘начальник ИТУ’; ‘инспектор бюро по трудоустройству’; ‘руководитель предприятия’; *раб* ‘студент младшего курса, помогающий старшекурсникам делать дипломный проект’; *Аракчеев* ‘классный руководитель’; ‘директор школы’; ‘прокурор’; *вече* ‘педсовет’; *приговор* ‘объявление результатов экзамена в школе, вузе’).

Специфика жаргонной реализации данной макромодели заключается в том, что в ней регулярно, как и в предметной сфере, присутствует языковая игра, связанная с переносом, построенном на оксюмороне, часто антонимическом, – сигнификативном или прагматическом несоответствии социальных характеристик источника и мишени метафоризации (ср.: *канцлер* ‘заключенный – уборщик туалетов’; *интеллигент* ‘учащийся технического училища’; *Сусанин* ‘экскурсовод’; ‘штурман самолета’; *рыцарь* ‘нищий’; *контра*, *министр финансов* ‘жена’; *агрессор* ‘теща’; *наградить* ‘наказать; осудить; приговорить’; *жидомасон* ‘о любом человеке’; *пролетарское самосознание* ‘воровство на производстве’).

Другой не менее яркой особенностью жаргонной метафорической системы становится регулярное соотнесение социальных реалий различных эпох, государств с определенным типом социальных и личностных характеристик. Наиболее регулярно это проявляется при формировании переносов на базе двух наиболее многочисленных группировок, именуемых в первичном ЛСВ социальные явления советской, перестроечной, постперестроечной эпохи и фашистской Германии.

Так, практически все именованные, связанные с германским нацизмом, характеризуют исключительно негативные явления (личностные и социальные). Обращает на себя внимание разнообразие конкретных значений и сфер приложения подобных переносов; например:

– «Характер и поведение человека»: *Борман*₂ ‘хитрый, изворотливый человек’; *добрый доктор Геббельс* ‘жестокий человек’;

– «Правоохранительная система»: *фюрер*₁ ‘прокурор’; *Мюллер*₁ ‘начальник оперчасти в ИТУ’; *Борман*₁ ‘заместитель начальника ИТУ по оперативной работе’; *гестапо*₁ ‘органы милиции; уголовный розыск’; *абвер* ‘оперативная часть ИТК; следственный изолятор’; ‘уголовный розыск’; *Бухенвальд*₁ ‘колония с особым тюремным режимом’;

– «Образование»: *гестапо*₂ ‘кабинет директора школы’; *Гестаповна* ‘очень строгая учительница’; *Борман*₂ ‘заместитель директора школы по воспитательной работе’; *диктатор*, *Мюллер*₂

‘директор школы’; *Бухенвальдский набат* ‘звонок на урок’.

Нейтрализация негативной оценки при формировании членов данной группировки наблюдается крайне редко, но такие случаи все же фиксируются; например: *Геббельс*₁ ‘иронично-дружеское обращение’. Это связано со стремлением носителей жаргонов «уйти от излишней формализованности и жесткой этикетности литературной коммуникации в целом, противопоставить ей нестандартное, во многом игровое общение»¹¹.

Лексика, характеризующая социальные реалии СССР и присущую этой эпохе коммунистическую идеологию, перестроечного и постперестроечного этапа в развитии СССР и России, как отмечалось, является самой востребованной при формировании жаргонных метафор. В концептуальном аспекте принципиально значимым представляется тот факт, что большинство переносов на базе этой лексики также содержит ярко выраженную отрицательную оценку. Данная эпоха в целом ассоциируется у носителей жаргонов с конфликтностью и деспотизмом, с отсутствием каких-либо правовых норм, с ханжеством и лицемерием, с отсутствием логики и здравого смысла и т. п. Сфера же применения этого варианта социальной макромодели практически не ограничена, а негативная экспрессия тоже весьма разнообразна – от резкого осуждения, неприятия, презрения до шутки, но преобладает шутливая ирония; например:

– «Интеллект, психическое здоровье человека»: *тимуровец*₁, *прихлопнутый «Капиталом»*, *дважды дятел Советского Союза* (шутл.-ирон. или презр.) ‘глупый, недалекий человек’; *пионерский*₂ ‘глупый, наивный’; *прост как правда*₁ (из очерка М. Горького о В. И. Ленине) (шутл.-ирон.) ‘дурак, идиот’;

– «Характер и поведение человека»: *Стаханов*, *стахановец*, *тимуровец*₁, *барабанищик революции* (ирон. или неодобр.) ‘излишне активный человек; энтузиаст’; *бабушка*, *старый коммунист* (шутл.) ‘о слишком «правильном», дисциплинированном молодом человеке’; *чекист*₂ (шутл.-ирон.) ‘хитрец, пройдоха, проныра’; *Троцкий* (ирон. или неодобр.) ‘болтун’; *Молчи, я воевал, я трижды герой мира* (ирон.) ‘ироничное самовосхваление’; *пионер*₁ (пренебр.) ‘неопытный молодой человек’; *устроить большой пионерский костер*₁ (шутл.) ‘устроить кавардак; всё испортить, спутать’; *прост как правда*₂. (шутл.-ирон.) ‘нахал, бессовестный человек’;

– «Родственные связи»: *Марксы* (шутл.-ирон.) ‘родители’;

– «Государство; правоохранительная система; армия»: *Берия* (шутл.-ирон.) ‘заместитель командира взвода’; *блокнот тунядца* (по модели названия официального советского журнала-брошюры «Блокнот агитатора») (шутл.-ирон.) ‘кодекс законов о труде’; *трескать с броневишка*

(ассоциация с речью В. И. Ленина на митинге у Финляндского вокзала в 1917 г., которую он произносил, стоя на броневике) (шутл.-ирон.) 'произносить патриотические лозунги в ИТК на общем собрании с трибуны';

– «Экономика; имущественные и товарно-денежные отношения»: *колхоз* «Красный лапоть», (шутл.-ирон.) 'о неэффективном, примитивном предприятии, выпускающем некачественную продукцию'; *скоммуниздить*₂, *спиионерить*, *скомсомолить* (груб., шутл.-ирон.) 'украсть'; *пролетарское самосознание* (шутл.-ирон.) 'воровство на производстве'; *колхоз*₄ (пренебр., презр.) 'о слабо организованных, плохо работающих предприятиях, фирмах, производстве';

– «Образование»: *особая тройка* (ирон. или неодобр.) 'о комиссии преподавателей, принимающей последнюю передачу перед отчислением студента'; *коммунист*₁ (ирон.) 'зубрила'.

Ирония и шутливая ирония многих из указанных выше метафорических жаргонизмов, как и у переносов на базе лексики, связанной с фашистской Германией, построена на оксюморне, сигнификативном и прагматическом несоответствии семантики первичного (идеологема) и вторичного (переносного) ЛСВ. Но в данном случае большую роль, особенно в прагматической зоне, играет концептуальное отрицание идеологического пафоса советских идеологов, вследствие чего значимые для советской идеологии, пропаганды прецедентные феномены именуют в жаргонах негативные реалии, обыденные и низменные ситуации, явления (ср.: *активистка* (ирон.) 'проститутка'; *октябрятская звездочка* (шутл.-ирон.) 'сомнительная компания (хулиганов, алкоголиков и т. п.)'; *Брестскую крепость защищать* (шутл.-ирон. или неодобр.) 'о пожилых людях, входящих в общественный транспорт в переднюю дверь и отказывающихся проходить в салон, загораживая тем самым выход другим пассажирам').

Однако отрицание «пафоса» советских идеологов может протекать без актуализации негативной оценки. И в этом нам видится существенное отличие формирования переносов на базе советизмов от переносов на базе «фашистской» лексики. В этом отношении жаргонные переносы в непредметной и предметной сферах едины (ср.: *железный Феликс* (по прозвищу Ф. Э. Дзержинского) (шутл., ирон.) 'выносливый человек'; 'громоздкий металлический прибор старого образца'; *Ленин*₁, *Дзержинский*₁ (шутл., ирон.) 'обращение к любому лицу мужского пола'; *колхоз*₂ (шутл.) 'группа людей, временно сплотившихся во имя какой-л. цели (работы, отдыха, питания в складчину и т. п.)'; коллектив'; *Сталинградская битва*, *битва за Москву* (шутл.) 'большое скопление людей, столпотворение; длинная очередь (как правило, с давкой и толкотней)').

Примечательно, что аналогичные специфические (семантические и прагматические) особенности присущи переносам на базе лексики, свя-

занной с перестройкой, постсоветским периодом, а частичные метафоры могут даже формироваться по словообразовательному образцу метафор-советизмов (ср.: *депутата корчить* (неодобр. или ирон.) 'стремиться выглядеть солидно, важно'; *по процедурному вопросу* 'по поводу покупки наркотиков'; *нагайдарить* (ирон.) 'наворовать'; *отчубайсить*, *отчерномырдить* (шутл.-ирон.) 'совершить какой-л. странный, экстравагантный поступок'). Исключение составляет лишь метафора *демократ*₃ (ирон.) 'излишне мягкий, тактичный человек' (в основе лежит стереотипное перестроечное представление о людях, придерживающихся демократических взглядов, как об интеллигентах – в отличие от стереотипного образа защитника коммунистического прошлого СССР). Обращает на себя внимание и тот факт, что среди антропонимов, именуемых политиками, ставших известными в самом конце XX – начала XXI в., при метафоризации используется только фамилия *Путин* – в частичных метафорах или в идиомах с образной основой, причем прагматическая зона переносного значения может быть шутливо-ироничной и резко негативной, однако это не связано с именем Путина; напротив, президент России воспринимается носителями жаргонов как образец позитивно оцениваемого политического лидера (ср.: *Непутин*, *Путин местного разлива* (шутл.-ирон. или пренебр.) 'о плохом, безынициативном местном руководителе (областного, городского и районного и т. п. масштаба), который занял пост в период президентства В. В. Путина, подчеркивает свою близость к федеральному руководству, но не доказывающий этого своими поступками').

Таким образом, жаргонная метафоризация социальной лексики имеет системный характер, является средством репрезентации картины мира носителей жаргонов конца XX – начала XXI в. Данная картина, как и принципы формирования переносов, во многом основывается на картине, отраженной в литературном языке, однако имеет ряд существенных отличий. Эти особенности непосредственно связаны с жизненным опытом, политическими пристрастиями, эрудицией носителей жаргонов. Жаргонная метафорическая картина мира строго иерархичная, преимущественно конфликтная, деспотичная, что порождает недоверие и негативное отношение к власти в целом, особенно к советскому прошлому, коммунистической идеологии, а частично и к постперестроечной общественно-политической жизни России.

Примечания

- ¹ Поскольку в современной лингвистике нет общепринятой системы терминов для именования отдельных видов социальных вариантов национального языка и данного страта в целом (социальный идиом, социолект, жаргон, сленг, арг и др.) и поскольку целью данной работы стало выявление общих закономерностей использования со-

- циальной лексики как источника метафоризации в этом типе идиомов, то сочли возможным использовать при их характеристике единый термин «жаргон».
- ² См.: *Апресян Ю.* Образ человека по данным языка : попытка системного описания // *Вопр. языкознания.* 1995. № 1. С. 37–67 ; *Арутюнова Н.* Язык и мир человека. М., 1998 ; *Балашова Л.* Русская метафора : вчера, сегодня, завтра. М., 2014 ; *Баранов А.* Дескрипторная теория метафоры. М., 2014 ; *Телия В.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебrenников.* М., 1988.
- ³ *Арутюнова Н.* Языковая метафора (Синтаксис и лексика) // *Лингвистика и поэтика : сб. ст. / отв. ред. В. П. Григорьев.* М., 1979. С. 147.
- ⁴ См.: *Балашова Л.* Социолектная метафора в диахронии (на материале школьного жаргона XIX в. и начала XXI в.) // *Русский язык сегодня.* Вып. 5. М., 2012. С. 23–32 ; *Балаян Э.* Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодежного жаргона) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006 ; *Гак В.* Русская динамическая языковая картина мира // *Русский язык сегодня.* Вып. 1 : сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000. С. 36–44 ; *Гольдин В., Сиротинина О., Язубова М.* Русский язык и культура речи. М., 2003 ; *Грачев М.* Русская воровская кличка : мифы и реальность. М., 2009.
- ⁵ *Розина Р.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге : глагол. М., 2005. С. 14.
- ⁶ *Шмелев А.* Русская языковая модель мира : материалы к словарю. М., 2002. С. 15.
- ⁷ *Будаев Э., Чудинов А.* Метафора в политической коммуникации. Екатеринбург, 2008. С. 11.
- ⁸ См.: *Словарь молодежного и интернет-сленга : толкование более 10000 слов и выражений / сост. Н. В. Белов.* Минск, 2007 ; *Вальтер Х, Мокиенко В., Никитина Т.* Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона. М., 2005 ; *Грачев М.* Словарь современного молодежного жаргона. М., 2006 ; *Елистратов В.* Словарь русского арго (материалы 1980–1990-х гг.). М., 2002 ; *Ермакова О., Земская Е., Розина Р.* Слова, с которыми мы все встречались : Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999 ; *Коровушкин В.* Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000 ; *Левикова С.* Большой словарь молодежного сленга. М., 2003 ; *Мокиенко В., Никитина Т.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001 ; *Никитина Т.* Молодежный сленг : толковый словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009 ; *Никитина Т., Роголева Е.* Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М., 2006 ; *Садошенко Д.* Словарь компьютерного сленга. URL: http://www.libok.net/writer/1798/kniga/6537/sadoshenko_denis/slovar_kompyuternogo_slenga (дата обращения: 02.04.2018) ; *Химик В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- ⁹ См.: *Гак В.* Метафора : универсальное и специфическое // *Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия.* М., 1988. С. 13–14.
- ¹⁰ *Балашова Л.* Русская метафорическая система в развитии : XI–XXI вв. М., 2014. С. 222.
- ¹¹ *Балашова Л.* Обращения-метафоры в коммуникативной компетенции носителя молодежного сленга // *Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 7.* Саратов, 2011. С. 176. Также см.: *Дементьев В.* Жанровая структура фатической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995 ; *Его же.* Об одной оценочной системе в русском языке // *Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 2007. Вып. 7. С. 42–61.

Образец для цитирования:

Балашова Л. В. Метафоризация социальной лексики в русских жаргонах конца XX – начала XXI века // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика.* 2018. Т. 18, вып. 4. С. 366–371. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-366-371>

Cite this article as:

Balashova L. V. Metaphorization of Social Lexis in the Russian Jargons of the End of the 20th – the Beginning of the 21st centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 366–371 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-366-371>